

Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права

Честнов Илья Львович, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;
e-mail: ichestnov@gmail.com.

Аннотация

В представленной статье излагается авторская позиция по вопросу юридической практики. Сегодня обнаруживается негативное явление — оторванность абстрактных, общих понятий теории права от нужд юридической практики. Поэтому обвинения со стороны представителей отраслевых юридических наук в догматичности теории права вполне оправданны. Это требует переосмысления юридической практики. Наиболее адекватной программой выяснения содержания юридической практики, по мнению автора, является постклассическая методология. Знаковость (знаковое опосредование), рефлексивность (означивание, осмысление и оценивание поведенческого аспекта), дискурсивность, конструируемость, контекстуальность, релятивность, человекообразность образуют содержание юридической практики в постклассическом измерении. Акцент в постклассической научно-исследовательской программе исследования юридической практики делается на изучении юридической повседневности. Ее образуют правовые фреймы и скрипты — рамки неформальных норм-практик, которые являются главными регуляторами правового поведения. Наиболее перспективным подходом к их изучению является метод включенного наблюдения в рамках социокультурной антропологии права.

Ключевые слова: практика, юридическая практика, постклассическая методология права, правовые фреймы, правовые скрипты.

Для цитирования: Честнов И. Л. Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 13–16. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-13-16. EDN: DEAFEN

Rethinking Legal Practice, and Its Consideration From the Position of Post-Classical Legal Method

Ilya L. Chestnov, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;
e-mail: ichestnov@gmail.com.

Abstract

The article presents the author's position on the issue of legal practice. Today, a negative phenomenon is being discovered — the isolation of abstract, general concepts of the theory of law from the needs of legal practice. Therefore, accusations by representatives of branch legal sciences of the dogmatism of the theory of law are fully justified. This requires a rethink of legal practice. The most adequate program for clarifying the content of legal practice, in the author's opinion, is the postclassical methodology. Signification (sign mediation), reflexivity (signification, comprehension and evaluation of the behavioral aspect), discursivity, constructability, contextuality, relativity, human dimension form the content of legal practice in the postclassical dimension. The emphasis of the post-classical research program for the study of legal practice is on the study of legal everyday life. It is formed by legal frameworks and scripts — the framework of informal norms and practices, which are the main regulators of legal behavior. The most promising approach to their study is the method of included observation within the framework of socio-cultural anthropology of law.

Keywords: practice, legal practice, post-classical legal method, legal frameworks, legal scripts.

For citation: Chestnov I. L. Rethinking legal practice, and its consideration from the position of post-classical legal method. *Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya]*, 2024. No. 1. Pp. 13–16. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-13-16. EDN: DEAFEN

Недостаточное внимание теории права к юридической практике — распространенное обвинение в ее адрес, прежде всего, со стороны представителей отраслевых юридических наук. И оно вполне справедливо: общетеоретические юридические понятия сами по себе на практике не применяются. Кроме того, их — юридических понятий — практическое использование предполагает несколько сложных манипуляций: конкретизацию в операциональных понятиях, закрепление в соответствующей форме права, интериоризацию в правосознании, принятие решения. И только после всего этого происходит практическое воплощение понятия в деятельности и в ее результате. Как видим, это сложный процесс, который практически не исследуется в позитивистской юриспруденции, в которой имплицитно предполагается, что юридические понятия как бы автоматически, непосредственно применяются на практике. Все это (и не только это) настоятельно требует осмысления юридической практики. Более того, последняя — юридическая практика — нуждается в переосмыслении с учетом тех изменений, которые происходят в нашем постоянно изменяющемся мире, в том числе в связи с трансформацией картины мира и, соответственно, представлений о том, что образует структуру и содержание практики как таковой и юридической в том числе. Об этом и пойдет речь в статье.

Юридическая практика — и с этим вряд ли кто-либо будет особо спорить — частный случай, момент или сторона практики как таковой, практики в социальном смысле слова. Поэтому прежде чем вести речь о юридической практике, необходимо определиться по поводу содержательных характеристик последней. Сделать это весьма не просто, так как по поводу признаков практики существует множество позиций, точек зрения в научной литературе, которые отличаются исходными мировоззренческими, теоретическими допущениями.

Так, модернистская, просвещенческая, включая марксистскую — точнее сказать, «вульгарно-марксистскую», трактовка практики предполагает ее объективность, одновекторность (инвариантную направленность как «всемирно-исторический процесс»). Марксистский (аутентично-марксистский) подход к практике гораздо сложнее обозначенного. Однако в нем практика сводится к всемирно-историческому процессу, то есть к абстрактному теоретизированию. Будучи абстракцией самого высокого уровня, всемирно-исторический процесс не может быть эмпирически проверен, а потому доказать его содержательные характеристики невозможно. Хотя в марксизме признается, что закономерности социального развития действуют через активность людей, однако этот механизм (как именно происходит преломление или взаимодополнительность одного и другого) в нем так и не получил надлежащего осмысления. Практика — это не только деятельность и опыт (как считает В. Н. Карташов¹), но в марксистской перспективе вся преобразовательная активность человека. Такая «тотализация» практики, как заметил в свое время Г. С. Батищев, превращает ее в «сверхкатегорию»². Поэтому социальная практика, как «естественный ход вещей», как «невидимая рука рынка» или «хитрость разума», — все это сегодня считается метанарративами, от которых наука (да и постклассическая философия тоже) отказалась. Гораздо более перспективным представляется подход, предложенный символическим интеракционизмом, социальной феноменологией в середине XX в. и социальным конструктивизмом второй половины XX в. Именно эти три методологических направления, хотя и в несколько модифицированном варианте, легли в основу постклассической трактовки социальной (и юридической) практики³.

С позиций постклассической рациональности (и соответствующей методологии) практика признается многогранным феноменом, включающим в себя множество (потенциально — бесчисленное) аспектов: поведенческого и когнитивного (психического), процесса и результата, личностного и предметного, должного и сущего и т. п. Знаковость (знаковое опосредование), рефлексивность (означивание, осмысление и оценивание поведенческого аспекта), дискурсивность, конструируемость, контекстуальность, релятивность, человекоразмерность — модусы бытия юридической практики в постклассическом измерении. При этом имеет место их взаимообусловленность, которую можно считать диалогичностью как главной характеристикой практики в эпоху постсовременности (в конце XX — начале XXI в.).

Практика включает в себя не только совершение действий, но и рефлекссию (психический, ментальный момент). Этот аспект образует оценка и предвосхищение (самооценка) действий как самого актора, так и контрсубъекта, ожиданий возможных последствий. Они оцениваются как с точки зрения самого актора, контрсубъекта, так и «внешнего наблюдателя» — «инстанции». Очевидно, что информация об этих элементах практического действия всегда ограни-

¹ Общая теория государства и права: академический курс. В 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 3. М., 2002. С. 139.

² Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997. С. 157.

³ См. подробнее: *Честнов И. Л.* Постклассическая методология исследования юридической деятельности / Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 108–129.

чена (поэтому в неoinституционализме говорят об «ограниченной рациональности» действий), особенно об отдаленных социальных последствиях какого-либо сложного действия. Поэтому рационально рассчитываемые действия достаточно редки, а подавляющее большинство практических действий образуют повседневные практики.

Именно такие типичные, повседневные, «обыденные» юридические практики, как представляется, и должны стать предметом научного анализа практико-ориентированной юриспруденции. Это связано с тем, что социальный мир — а значит, и «мир права», — это не объекты, люди, их действия и последствия действий, а смыслы и значения, приписываемые объектам, людям, действиям и последствиям. То, как приписываются социальные значения и личностные смыслы, должно стать приоритетом в социально-правовых исследованиях, если юридическая наука собирается повернуться лицом к практическим проблемам (что, конечно, не исключает философско-правовые штудии, ориентированные на «высокую» теорию).

Тот или иной подход к юридической практике, к тому, что считать «юридической практикой», эксплицитно или имплицитно основан на соответствующей теории или общем представлении о праве, о том, что собой представляет правовая реальность. Так, с точки зрения неопозитивизма юридическая практика вообще не является темой научного рассмотрения, так как вступление в силу нормативного правового акта («источника права») автоматически предполагает «действие» права. Тем самым происходит «овеществление» формы внешнего выражения нормативности права — приписывание им модуса самостоятельного существования. Более того, в таком случае обнаруживается магический эффект как ожидание «чуда»: само по себе вступление в силу «источника права» приведет (должно привести) к положительному социальному эффекту, хотя неопозитивисты измерение социального воздействия права не считали достойным предметом юриспруденции, отдавая это на откуп социологии. В то же время овеществление (реификация) как радикализация процесса объективации — необходимый аспект социальной жизни и ее осмысления. Механизм объективации дает возможность абстрагировать объект действия и восприятия и самого себя по отношению к объекту. А для этого объект необходимо наделить свойствами самостоятельного существования, хотя в реальности имеют место социальные взаимодействия, которым приписывается свойство бытия как существования.

Отсюда вытекает важнейший методологический вопрос: как соотносится практика как «историческая динамика» и практики, представленные единичными «практическими» действиями? Сложность состоит в том, что эмпирически практика всегда представлена единичными действиями. Но при этом предполагается, что, как система не сводится к механической сумме свойств ее элементов, так и практика не тождественна единичным действиям. Как же в таком случае можно представить практику как системное образование, как некую целостность? Все дело в том, что специфика *социального* действия состоит в том, что оно ориентировано на безличного (объективированного, может быть, даже «овеществленного») Другого. Точнее — на действия типичного, обобщенного и даже социально значимого Другого. Такое представление о типичном как нормативном, правильном и конструирует образ и образец практики, с которым может и не совпадать отдельный акт практического действия.

В этом смысле практику уместно трактовать как диалог системы и жизненного мира (их взаимодополнительность), опривыченность безличностных связей и социальных значений интеракциями и личностными смыслами. Ю. Хабермас утверждает, что модернизация приводит к колонизации жизненного мира с помощью медиапосредников — денег и власти. Однако это не приводит к вытеснению жизненного мира бесспорного практического знания в пространство семьи и быта, а по-другому (в постиндустриальном мире) хабиатуализирует систему. Приватное и публичное (точнее — официальное), по большому счету, существовали всегда, по крайней мере — в политически организованном социуме. Да, в историческом контексте «позднего капитализма» «добржуазные традиции, в которые встроены гражданский и семейно-профессиональный приватизм, безвозвратно демонтируются», «составные части традиционалистских картин мира⁴, которые представляли контекст и дополнение буржуазных идеологий, все больше ослабевают и растворяются в процессе капиталистического развития», но при этом «структуры буржуазной культуры, лишенные своей традиционалистской набивки и приватистской сути, все еще являются релевантными для образования мотивов вообще и не могут рассматриваться лишь в качестве фасада»⁵.

Постклассическая методология применительно к юридической практике предполагает анализ ее (практики) сконструированности активностью человека, а тем самым — человекомерность. Именно люди, прежде всего — представители референтных групп, конструируют новые образцы поведения. При этом необходимо учитывать, что положительный результат будет достигнут только тогда, когда правовая инновация будет отвечать настроениям широких народных масс и воплощаться в юридической повседневности. В этой связи замечу, что постклассическая

⁴ Более того, по мнению Ю. Хабермаса, «доминирующие компоненты культурной традиции теряют характер картин мира, то есть интерпретаций мира, природы и истории в целом. Когнитивное притязание на воспроизведение тотальности снимается в пользу меняющихся популярных синтезов из отдельных научных фактов, с одной стороны, и искусства, которое эзотерически отступает или десублимированно возвращается в жизнь, с другой» (см.: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воробай; общ. ред. и вступ. статья О. В. Кильдюшова, примечания, именной и предметный указатели Т. А. Дмитриева. М.: Праксис, 2010. С. 134).

⁵ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воробай; общ. ред. и вступ. статья О. В. Кильдюшова, примечания, именной и предметный указатели Т. А. Дмитриева. М.: Праксис, 2010. С. 133–134.

методология юридической практики сегодня, в начале XXI в., с моей точки зрения, как уже отмечалось выше, основывается на социально-феноменологической программе, акцентирующей основное внимание на мире повседневности. Это связано с тем, что подавляющее большинство юридических ситуаций (социальных ситуаций, которым приписывается юридическое значение) — это повседневная рутина так называемых простых дел. Встречающиеся «сложные дела», не имеющие одного или единственно верного решения (по Р. Дворкину), составляют весьма незначительный процент от общего количества дел. Но учебники в подавляющем большинстве случаев не описывают того, как именно на практике разрешаются подобные рутинные дела.

Повседневная юридическая практика организована схемами (правовыми фреймами и скриптами), стереотипами мышления и поведения — хабитусами, которые, в свою очередь, структурно детерминированы. Правовые фреймы представляют собой образцы типичных и «правильных» с точки зрения данного актора (человека — носителя статуса субъекта права) способов достижения легальной и легитимной цели. Это образцы ситуаций, имеющих юридическую значимость. Например, что должно быть в комнате или зале судебного заседания, в дежурной части отделения полиции и т. д. Правовой скрипт — это образец поведения в такого рода ситуациях: как следует действовать во взаимоотношениях с полицейским, начальником, прокурором, судьей или адвокатом в контексте соответствующей ситуации. Именно правовые фреймы и скрипты образуют рамки неформальных норм-практик, которые являются главными регуляторами правового поведения и дают четкое представление о том, как воплощаются на практике нормы права, почему в одних случаях они реализуются (и применяются) достаточно эффективно, а в других — нет. Такие юридически значимые образы и образцы складываются в многочисленных сегментах — субкультурах, поэтому следует использовать не единственное, а множественное число для их обозначения — юридические практики. Их изучение — важная задача постклассической социокультурной антропологии права как научно-исследовательской программы, которая сегодня получила новый импульс развития.

Антропология права с помощью метода включенного наблюдения позволяет выявлять скрытые неформальные нормы, «латентные практики», образующие содержание юридической повседневности. В этом и состоит первостепенное практическое значение постклассической социокультурной антропологии права, в которой производится взаимоувязывание личностной интенции акторов правовой повседневности с теми ограничениями, которые налагаются на них социумом, его культурой, организацией, требованиями социально значимого Другого, олицетворяемого, например, законодательством, референтными группами, статистической отчетностью в государственных органах и т. д. Антропологическая методология включенного наблюдения или глубинного интервью, изучения фокус-групп и др. позволяет выяснить, как именно оценивают акторы официальные нормы права.

Все вышеизложенное, как представляется, наглядно подтверждает общий тезис: юридическая (как и любая другая социальная) наука нуждается сегодня, прежде всего, в практическом измерении, в «приземлении» высокой абстракции к земным вопросам. Для этого требуется выработка (детальная проработка) новой, постклассической методологии права.

Литература

1. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997. 190 с.
2. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай, общая редакция и вступительная статья О. В. Кильдошова, примечания, именной и предметный указатели Т. А. Дмитриева. М.: Практис, 2010. 264 с.
3. Честнов И. Л. Постклассическая методология исследования юридической деятельности / Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 108–129.
4. Общая теория государства и права: академический курс. В 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 3. М., 2002.

References

1. Batishchev, G. S. Introduction to the dialectics of creativity [Vvedenie v dialektiku tvorchestva]. St. Petersburg: RKhGI [RHGI], 1997. 190 p. (In Rus.)
2. Habermas, Yu. The problem of legitimation of late capitalism [Problema legitimacii pozdnego kapitalizma] / transl. with him. L. V. Voropai. General edition and introductory article by O. V. Kildyushov. Notes, name and subject indexes T.A. Dmitriev. M.: Praxis [Praksis], 2010. 264 p. (In Rus.)
3. Chestnov, I. L. Postclassical methodology for researching legal activity [Postklassicheskaya metodologiya issledovaniya yuridicheskoy deyatelnosti] / Legal activity: content, technologies, principles, ideals; monograph [Yuridicheskaya deyatelnost': sodержanie, tekhnologii, principy, idealy: monografiya] / ed. O. Yu. Rybakov. M.: Prospekt [Prospekt], 2022. Pp. 108–129. (In Rus.)
4. General theory of state and law: academic course [Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskii kurs]. In 3 vol. / resp. ed. M. N. Marchenko. Vol. 3. M., 2002. (In Rus.)